

А.А. Козел, заведующий кафедрой философии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент;
С.В. Рыбак, адъюнкт НПФ Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ФИЛОСОФИИ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследуется проблема соотношения истины в философии и уголовном процессе. Актуализирован вопрос теоретико-методологических основ достижения истины, ее специфика в уголовном процессе, особенности предмета и пределов познания на этапе работы с подозреваемым при производстве по уголовному делу. Рассмотрена проблема процессуальной истины, а также акцентировано внимание на необходимости достижения объективной истины как основной цели расследования. Авторы приходят к выводу, что для появления в уголовном процессе фигуры подозреваемого, а также для предъявления данному участнику процесса обвинения требуется определенный объем вероятностных знаний, относительных по форме и с элементами объективности в содержании. Объясняется необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в области придания подозрению концептуальной обоснованности, системности и завершенности.

Процесс познания мира обусловлен потребностями и обеспечивается доступными инструментальными средствами. На первоначальном этапе развития у индивида преобладают чувственные формы познания, но начиная уже со школьного возраста активно формируется абстрактно-логическое, понятийное мышление. Опираясь на понятия, субъект познания постоянно их уточняет, углубляет, расширяет. Стремление к более полному и точному знанию предусматривает поиск ответа на вопрос «что есть истина?». Истина, представляя собой знание, адекватное действительности, играет в жизни каждого человека в отдельности и общества в целом важную гносеологическую и нравственно-психологическую роль, что и обуславливает ее ценность.

Понятие истины как формы наиболее адекватного понимания мира находит применение во всех сферах человеческого бытия, в том числе и в правовых. В юридической литературе понятие истины чаще всего характеризуется следующими видами правовых знаний:

- 1) сведениями о реально действующем праве, его конкретных формах;
- 2) правовыми категориями;
- 3) научными закономерностями функционирования права;
- 4) правовыми теориями и концепциями [3, с. 27].

Проблема истины в уголовном процессе всегда находилась в центре внимания ученых-юристов и практиков. Данным вопросам посвящали свои работы А.Я. Вышинский, Н.Ф. Пашкевич, М.С. Строгович, А.И. Трусов, С.А. Шейфер, А.Р. Белкин, Р.Х. Якупов, А.В. Дулов, Н.А. Громов, В.М. Тертышник, Г.А. Печников, В.С. Бурданова и др. В их трудах исследуется понятие и содержание истины в правовой сфере, ее роль в принятии законных и обоснованных решений по уголовному делу. Не потеряли своей актуальности эти вопросы и сегодня. Особенно это касается самого начала уголовно-процессуальной деятельности и связанного с ним участия в процессе подозреваемого, ведь большинство ошибок в процессе расследования преступлений допускается именно на данном этапе. Учитывая указанный аспект, мы полагаем необходимым исследовать на основе методов логического анализа и синтеза форму, содержание и значение истины для принятия законных и обоснованных решений на этапе работы с подозреваемым.

В соответствии с ч. 1 ст. 18 действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь орган уголовного преследования обязан принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела. Часть 1 ст. 19 УПК Республики Беларусь обязывает суд оценивать доказательства, основываясь также на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела. По мнению ряда процессуалистов, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела и является одним из основных средств достижения истины в уголовном процессе. Мы считаем данную точку зрения достаточно обоснованной и аргументированной. На основании этого можно сделать вывод, что законодатель четко и однозначно отнес установление истины к одному из важнейших принципов отечественного уголовного судопроизводства.

Истина в уголовном процессе, хотя и основывается на философском ее понимании, имеет свою специфику. Если содержательно они совпадают, то есть представляют собой знание, содержание которого не зависит ни от человека, ни от человечества, носят объективный характер, то по целям, ин-

струментарно и методам познания они несколько различны. Целью познания в философии является выявление закономерностей процессов, их сущности, свойств, взаимосвязей. Особенность же познания в правовой сфере вытекает из предмета, его содержания и пределов познания, заданных уголовно-процессуальным законом. Здесь не ставится задача выявить и описать всеобщие принципы и нормы познавательной деятельности субъекта, обнаружить свойства, связи и опосредования фактов в мире, установить объективные закономерности явлений, выявить их социально-политическую и экономическую сущность. Истина в уголовно-правовой области исследования с точки зрения содержания устанавливаемых в ней явлений отличается в первую очередь конкретностью, имеет строго определенные, очерченные законом рамки и не является всеобъемлющей. Если для познания истины в философии могут использоваться известные в науке методы, приемы и средства, то процесс познания истины в уголовном процессе регламентирован нормами отраслевого законодательства, поэтому под истиной в уголовном деле понимается «соответствие выводов органов уголовного преследования и суда реальной картине преступления, правильная юридическая оценка фактических обстоятельств дела, находящая свое выражение в юридической квалификации преступного деяния» [6, с. 92]. Точка зрения ряда авторов о том, что юридическая квалификация деяния не коррелирует с понятием истинного, поскольку представляет собой только уголовно-правовую оценку преступного деяния, на наш взгляд, неубедительна. Сама юридическая оценка (квалификация) основывается на установлении так называемой истины по делу. Достигается она в каждом конкретном уголовном деле с помощью доказательств и доказывания, которое состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела [4, с. 102]. По мнению российского ученого-процессуалиста Р.Х. Якупова, доказывание представляет собой «...форму познания явлений объективной реальности, дающей принципиальную возможность раскрытия любого преступления» [8, с. 160]. Сам процесс доказывания обладает высокой степенью динамичности. На это указывает С.А. Шейфер, подчеркивая, что «...анализ уголовно-процессуального закона свидетельствует о том, что правовые формы доказывания не остаются неизменными на протяжении процесса» [7, с. 45]. Меняется круг фактических обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию на том или ином этапе производства по делу, различны виды используемых доказательств, специфичны пределы их оценки, а также выводы, к которым приходит орган уголовного преследования в момент принятия итогового решения. Указанные специфические черты для конкретного этапа расследования не исключают внутренней преемственности доказывания. Динамичность процесса доказывания выражается в последовательно сменяющихся и взаимосвязанных познавательных циклах. Каждый из них реализуется на конкретной стадии производства по делу и обладает определенной самостоятельностью и законченностью [2, с. 9]. Самостоятельность проявляется в том, что орган уголовного преследования при решении специфических для данного этапа задач независим от иных участников процесса. Законченность познавательного (доказательного) цикла состоит в получении органом уголовного преследования знаний, достаточных по их объему и содержанию для обоснования решения, завершающего этап расследования.

В силу объективной необходимости уголовно-процессуальная деятельность немислима без государственного принуждения, связанного с определенными правоограничениями. Фигура подозреваемого представляет научный интерес в качестве участника уголовного процесса, который, как правило, первым подвергается мерам процессуального принуждения, а также с точки зрения возникновения самого подозрения как элемента, без которого, на наш взгляд, невозможно появление подозреваемого в уголовном процессе. Подозреваемый появляется и существует в большинстве случаев на первоначальном этапе предварительного расследования. Итогом участия данной фигуры в уголовном процессе становится приобретение им статуса обвиняемого или прекращение в отношении его уголовного преследования. Принятие одного из обозначенных выше решений всецело обусловлено тем, удалось ли органу уголовного преследования собрать достаточное количество доказательств, позволяющих предъявить подозреваемому обвинение.

В строго юридическом смысле обвинение должно предъявляться лицу только при наличии достаточно весомых доказательств совершения им преступления. В соответствии с п. 17 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь «...обвинение – утверждение о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом...», сделанное в соответствии со ст. 240 настоящего Кодекса, «...при наличии достаточных доказательств, дающих основания для предъявления лицу обвинения в совершении преступления, следо-

ватель, дознаватель выносят мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого».

Представляется, что обвинение – это, в первую очередь, утверждение, а подозрение – предположение. Подозрение подразумевает наличие у органа уголовного преследования вероятностных данных, указывающих на то, что данное лицо причастно к совершению преступления. Обвинение в свою очередь это конкретное, основанное на определенной совокупности доказательств утверждение о совершении данным лицом преступления, установленном органом уголовного преследования объективной истины по делу. Подозрение являет по своей сути познавательную проблему (на юридическом языке – неопределенность), то есть ту или иную степень вероятностного знания. Оно предшествует установлению объективной истины на определенной стадии расследования по уголовному делу, является необходимой предпосылкой к ее установлению. Истина здесь еще не установлена, а вскрыты лишь отдельные ее составляющие – неполные знания об объективной картине преступления, которые не дают возможности органу уголовного преследования предъявить лицу обвинение. Однако, как правило, у лица, производящего расследование, к данному моменту уже сформировалось общее представление о совершенном преступлении, то есть достигнута истина по делу, хоть и относительная по форме, но содержащая целый ряд объективных элементов. Дальнейшие процессуальные и следственные действия направлены на экстенсивное и интенсивное развитие достигнутой истины, установление истины абсолютной по форме (с учетом пределов доказывания) и объективной по содержанию. В философии под абсолютной истиной понимается знание, полностью совпадающее по своему содержанию с отображаемым объектом. Степень соответствия знания в данном случае абсолютная, то есть это полное, точное, исчерпывающее знание об объекте. Однако достижение абсолютной истины в познании является идеалом, оперируемым для объяснения непрерывности процесса развития. В уголовном процессе законодатель и не ставит задачу достижения абсолютной истины. Пределами доказывания ограничен интенсивный путь установления истины, а предметом доказывания – экстенсивный. Как только орган уголовного преследования получает фактические данные, дающие основания заменить предположение о совершении лицом преступного деяния на утверждение об его совершении, закон обязывает наделить подозреваемого статусом обвиняемого.

Иная ситуация складывается при появлении подозреваемого в уголовном деле. Главным на данном этапе является вопрос о наличии либо отсутствии достаточных оснований признания лица подозреваемым. Тезис подозрения представляет собой совокупность обоснованных вероятностных предположений, выступающих в форме выводов, которые основаны на материалах уголовного дела. Они отличаются от абсолютно истинных «...степенью приближения к однозначности выводов на пути от незнания к полному, точному знанию. Вероятностные – это предположительные знания, допускающие двузначное истолкование выводов о реальности, одно из которых является истинным, а другое истолкование – ложным, заблуждением» [8, с. 163]. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс не определяет грань между возникновением подозрения и его отсутствием, то есть не регламентирует достаточную совокупность данных, при наличии которых можно будет считать, что у органа уголовного преследования возникло обоснованное подозрение о причастности того или иного лица к совершению уголовно наказуемого деяния, не называет исходных позиций, с которых в деле возникает подозрение.

Это порождает определенные злоупотребления на пути установления истины по делу. Наделяя лицо процессуальным статусом подозреваемого, следователь, дознаватель тем самым предполагают причастность лица к совершенному преступлению, которое в свою очередь основано на имеющихся в деле фактических данных. Этим орган уголовного преследования определяет контуры пути к достижению истины и впоследствии движется в данном направлении, познавая новые обстоятельства объективной действительности совершенного преступления. Если направление выбрано неверно, то достижение объективной истины при расследовании дела невозможно без соответствующей корректировки и изменения пути движения. Однако в большинстве случаев орган уголовного преследования, следуя данному, заведомо неправильному и ошибочному направлению, вследствие предъявляемых обществом требований (максимального сокращения промежутка времени между совершением преступления и наказанием преступника), не отказывается от данного пути, не корректирует его, а прилагает все усилия на достижение так называемой процессуальной истины, под которой некоторые ученые-процессуалисты понимают истину, основанную только на совокупности имеющихся в уголовном деле процессуальных документов. На наш взгляд, приверженцы данной позиции пренебрегают одним из важнейших принципов уголовного процесса – установлением истины, адекватно отра-

жающей все обстоятельства совершенного преступления, который напрямую не закреплен в законе, а логически выводится из ст. 18, 19 УПК Республики Беларусь. Так, являясь сторонником достижения при расследовании процессуальной истины, В. Никитаев пишет, что «...объективная истина есть фикция, точнее, юридическая фикция, позволяющая использовать Уголовный кодекс для постановления приговора: а потому ее сохранение как средства уголовного процесса предполагает, что на первое место будет поставлена процессуальная истина» [1 с. 18]. Саму процессуальную истину он понимает как соответствие судебного процесса и его результата требованиям процессуального права. Таким образом, сторонники данной позиции целью уголовного процесса считают не объективную истину, не полные знания об общественно опасном деянии со всеми его объективными и субъективными характеристиками, не то, что произошло реально, а знания «процессуальные», то есть событие, действие либо бездействие лица, пусть даже не происходившие в действительности, но установленные судом на основе доказательств, признанных им относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными.

Согласиться с такой точкой зрения и предположением о том, что вина лица в совершении преступления может быть доказана с «установленной законом степенью вероятности», трудно. В соответствии со ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь задачами уголовно-процессуальной деятельности являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Самое нежелательное, что может иметь место в уголовном процессе, – привлечение к уголовной ответственности и осуждение невиновных. Принцип установления объективной истины и призван оградить личность от вышеуказанного правового негатива. Истина в процессе предполагает наличие таких знаний и выводов об обстоятельствах дела, которые адекватно отражают факт совершения общественно опасного деяния. Мы согласны с мнением П. Лупинской, что «...установить истину в уголовном процессе означает познать прошедшее событие и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, в соответствии с тем, как они имели место в действительности» [5, с. 129]. Обстоятельства совершения преступления существуют объективно, но в прошлом, и их невозможно изменить. Они либо имели место в действительности, либо их не было вообще. Иными словами, наличие данных обстоятельств не может и не должно ставиться в зависимость от наличия либо отсутствия доказательств, их устанавливающих и подтверждающих. Отсутствие доказательств не означает, что преступление не совершалось. В следственной практике наблюдается немало случаев, когда преступление в действительности имело место, но доказательства этого не добыты или добыты такие, которые не отражают реальную картину преступления, то есть объективная истина в процессе расследования не установлена и цели доказывания не достигнуты. Такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока знания органа уголовного преследования не будут соответствовать действительности, поэтому установление процессуальной, а не объективной истины в ходе расследования часто детерминирует выдвижение ошибочного тезиса обвинения и, как следствие, осуждение невиновного лица.

На основании изложенного представляется необходимым сделать следующие выводы:

целью производства по уголовному делу является установление объективной, а не процессуальной истины;

само понятие истины в уголовном производстве вытекает из ее философской трактовки;

истина достигается на каждом этапе производства по делу;

определенный объем вероятностных знаний, относительных по форме и с элементами объективности в содержании, необходим для появления в процессе фигуры подозреваемого, а также для предъявления данному участнику уголовного процесса обвинения. Однако в действующем законодательстве не сформулирована достаточная совокупность данных, при наличии которых можно будет считать, что у органа уголовного преследования существует обоснованное подозрение о причастности того или иного лица к совершению уголовно наказуемого деяния, то есть не указан объем истины, необходимой для появления в процессе вышеуказанного участника;

совершенствование уголовно-процессуального законодательства в указанном направлении, придание подозрению концептуальной обоснованности, системности и завершенности, по нашему мнению, позволит органу уголовного преследования определить параметры и пределы истины при при-

знании лица подозреваемым, а также при предъявлении ему впоследствии обвинения, тем самым избежать ошибок в ходе производства по материалам и уголовному делу.

Библиографические ссылки

1. Балакшин, В. Истина в уголовном процессе / В. Балакшин // Рос. юстиция. 1998. № 2.
2. Кореневский, Ю.В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования / Ю.В. Кореневский. М. : Юрид. лит., 1974.
3. Сырых, В.М. Воистину ли нормы законов истинны? / В.М. Сырых // Государство и право. 1996. № 7.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : текст кодекса по состоянию на 28 янв. 2006 г. Минск : Амалфея, 2006.
5. Уголовный процесс : учебник для вузов / Л.Б. Алексеева [и др.] ; под ред. П.А. Лупинской. М. : Юрист, 1995.
6. Философия : курс лекций : в 2 ч. / А.А. Козел [и др.] ; под общ. ред. А.А. Козела, Л.Е. Лойко. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2002. Ч. 2.
7. Шейфер, С.А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе / С.А. Шейфер. Саратов : Сарат. ун-т, 1986.
8. Якупов, Р.Х. Уголовный процесс : учебник для вузов / Р.Х. Якупов ; под ред. В.Н. Галузо. М. : Зерцало, 1998.

*Д.А. Курто, адъюнкт НПФ Академии МВД
Республики Беларусь*

ПОНЯТИЕ НЕДВИЖИМОСТИ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Теоретическая основа публикации сформировалась в ходе изучения и использования работ классиков-цивилистов, И.А. Покровского, Г.Ф. Шершеневича; современных ученых-цивилистов В.А. Алексеева, О.М. Козыря, И.Д. Кузьмина, В.А. Лапача, Е.А. Суханова, Н.А. Сыроедова. В основополагающих трудах этих ученых-цивилистов рассматриваются фундаментальные вопросы определения понятия «недвижимость». В статье подробно исследуется исторический и содержательный аспекты недвижимости как категории гражданского права. Указывается на необходимость последовательного разграничения между понятиями «недвижимое имущество» и «недвижимость», отмечается, что в ГК Республики Беларусь не использован такой элемент классификации, как недвижимость в силу назначения, который включает в себя предметы, находящиеся на участке для его обслуживания и эксплуатации, и движимое имущество, навсегда присоединенное к недвижимости. Особого внимания заслуживают юридически обоснованные предложения о пересмотре перечня объектов недвижимого имущества (ст. 130 ГК) с целью включения таких новых объектов недвижимого имущества, как жилые и нежилые помещения, объекты незавершенного строительства.

Социально-политические и экономические преобразования, начатые в Беларуси в первой половине 90-х гг. XX в., потребовали от отечественных правоведов и законодателей интенсивной работы по созданию соответствующих правовых механизмов реализации этих процессов. Переход от централизованно-плановой к рыночной экономике требует сегодня от белорусских цивилистов и законодателя не только восстановления в своих правах преданных забвению советским гражданским правом таких категорий, как вещное право, право собственности, недвижимость, но и современного их осмысления и уточнения.

Цивилистика указывает, что объектами гражданских прав являются материальные и духовные блага, по поводу которых субъекты гражданского права вступают между собой в правовые отношения. Круг этих благ (объектов) чрезвычайно широк и многообразен. В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, в том числе имущественные права; работы и услуги; охраняемая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

В свою очередь в цивилистической литературе принято дифференцировать вещно-правовой режим по тем или другим основаниям. Важнейшим в классификации вещей в современной цивилистике является деление их на движимые и недвижимые. Деление имущества на движимое и недвижимое берет начало в римском праве и воспринято всеми современными правовыми системами. По мнению большинства авторов, такое деление связано с правом частной собственности на природные объекты и в первую очередь на землю, а также с введением в гражданский оборот этих объектов, развитием этого оборота.

Категория недвижимого имущества (недвижимость) появилась в российском законодательстве в XVIII в. Сам термин «недвижимое имущество» был впервые использован в указе Петра I о единона-